

УДК 81'23

ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ОЦЕНКА В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НАЧАЛА XVII в.

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблеме функционирования оценочных номинаций исторических лиц, ставших героями позднерусских Повестей Смутного времени. Цель статьи – рассмотреть взаимоотношения различных типов точек зрения на исторических персонажей, присутствующих в нарративе русских публицистических текстов начала XVII в. (далее в тексте – ПСВ), опираясь на анализ оценочных номинаций.

Анализ научной литературы по проблеме показывает, что исследователи форм представления образов автора и персонажей опираются на труды представителей русской «формальной школы». Выясняется, что повествовательный публицистический текст характеризуется оценочностью, выражаемой через точки зрения. Характер оценки, по мнению автора, зависит от точки зрения, выраженной в нарративе. В настоящей статье описаны три точки зрения, которые влияют на тип номинации. В рассмотренных текстах представлены все типы точек зрения, но более частотными являются нарраториальная недиегетическая и персональная недиегетическая, а персональная диегетическая представлена лишь в «самозванческих» контекстах.

Методы исследования опираются на анализ контекстов, где выявляются приемы оценки персонажей – политических деятелей эпохи.

Результаты исследования заключаются в описании разновидностей точек зрения, представленных в текстах ПСВ.

Выводы, к которым приходит автор, таковы: система оценочных номинаций, представленная в ПСВ, зависит от типа точек зрения, присутствующих в конкретном тексте.

Авторский вклад в изучение проблемы функционирования оценочных номинаций исторических лиц поздней древнерусской эпохи состоит в точном и подробном определении средств номинации, применяемых для характеристики отдельных лиц и групп лиц в текстах, в характеристике средств указания связи между идеологиями книжников и их персонажей и средств выражения их оценки.

Ключевые слова: начало XVII в., повести Смутного времени, нарратология, точки зрения в тексте, оценка политических персон, система оценочных номинаций, двунаправленность оценки, субъектная перспектива высказывания.

Постановка проблемы. Точка зрения и оценка – понятия достаточно близкие, т.к. предполагают одного субъекта речи. Субъект *видит* (наблюдатель), *говорит* (субъект речи – повествователь, рассказчик) и *оценивает* (субъект оценки). Все три вида субъектов могут совпадать в высказывании и в тексте, могут различаться, могут совпадать частично. Современные филологические исследования с большим интересом рассматривают различные соотношения типов субъектов в пространстве текста.

Цель данной статьи – рассмотреть взаимоотношения различных типов точек зрения на исторических персонажей, присутствующих в нарративе позднерус-

нерусских текстов Повестей Смутного времени начала XVII в. (далее в тексте – ПСВ), опираясь на анализ оценочных номинаций.

Обзор исследований по проблеме работы. «Точка зрения» – это важная категория теории повествования, т.е. нарратологии. В рамках этой теории объектом исследования считается повествовательный текст «любого жанра и любой функциональности» [Шмид, 2008, с. 9], противоположный по структуре изложения дескриптивному тексту.

Как известно, нарратология сложилась как самостоятельная научная дисциплина на Западе в русле структурализма в 1960-е гг., хотя разработкой основных категорий обязана исследованиям русских формалистов 1920-х гг. В.Б. Шкловскому, Б.В. Томашевскому¹. Сильное влияние на становление нарратологии оказали также исследования конца 1920 – начала 1930-х гг. В.Я. Проппа, М.М. Бахтина², а позднее, в 1970-е гг., – работы Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Б.О. Кормана³.

Концепция Б.А. Успенского рассматривает проявление точки зрения на различных уровнях и в разных планах анализа. Для нашего исследования актуальным является уровень «оценки, или идеологии». Согласно Б.А. Успенскому, это «самый общий уровень, на котором может проявиться различие авторских позиций» [Успенский, 1995, с. 19]. Функция «точки зрения» в плане идеологии – показать, каким образом автор оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир. Идеологическая оценка может даваться как с одной, доминирующей (авторской) точки зрения, так и с точки зрения персонажа. Возможны случаи смены авторских позиций – тогда можно говорить о различных идеологических точках зрения. Носителем идеологической точки зрения может быть автор, рассказчик или персонаж.

Лингвистика подошла к проблеме изучения точки зрения в рамках антропоцентрического подхода к языку и тексту. Работами А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Л.В. Щербы были заложены принципы современного анализа текста. Сближается с понятием «точки зрения» понятие «наблюдатель», принятое в лингвистических исследованиях с середины 1980-х гг. [Апресян, 1986; Падучева, 1995]. Развивая идею о включенности в языковую семантику параметров коммуникативной ситуации, Е.В. Падучева рассматривает понятие «наблюдателя», выступающего в качестве «заместителя говорящего» в нарративных текстах. Нарратив, с точки зрения лингвиста, «характеризуется неполноценной коммуникативной ситуацией, и лингвистика нарратива – это лингвистика неполноценных коммуникативных ситуаций» [Падучева, 1995, с. 41]. Вследствие этого повышается значение субъективной модальности и дейксиса, выраженных в нарративном тексте, поскольку позволяет произвести ряд корректировок в сознании читателя с той целью, чтобы воспринимать речевую ситуацию нарратива как «каноническую коммуникативную ситуацию» [Там же, с. 42].

¹ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.; Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. Л.: Госиздат, 1925. 233 с.

² Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.; Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 7–180.

³ Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 256 с.; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.; Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 113 с.

Один из самых авторитетных современных исследователей в области нарратологии В. Шмид сделал анализ различных подходов к изучению проблемы функционирования точки зрения в тексте. Среди большого множества классификаций видов текстов, основывающихся на различных типологиях точки зрения и нарратора, он выделяет два важнейших бинарных противопоставления в повествовательном тексте «недиегетический» – «диегетический» и «нарраториальный» – «персональный» [Шмид, 2008, с. 124]. Современная теория повествования, опираясь еще на платоновское понимание «диегесиса» ('повествование'), *диегетическим* называет нарратора, «который повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе» [Шмид, 2008, с. 82]. «Недиегетический нарратор» повествует только о других фигурах повествования. Вторая оппозиция («нарраториальный» – «персональный») связана с тем, что нарратор может выражать свою точку зрения и персональную точку зрения одного или каждого из нескольких персонажей [Там же, с. 82].

Основываясь на данной классификации текстов, рассмотрим функционирование оценочных номинаций лица в публицистических текстах о Смуте начала XVII в. Публицистический характер повестей Смутного времени предполагает выражение точки зрения в первую очередь на уровне идеологии (по классификации Б.А. Успенского), тогда как другие уровни (планы) – фразеологический, пространственно-временной, психологический – в рассматриваемых текстах, по-видимому, не представлены.

Авторы ранних произведений об эпохе Смуты, появившихся еще до окончания смут, чаще всего преследуют идеологические или политические цели. Они менее заботятся о точной передаче событий для потомков, нежели о политическом или нравственном влиянии на читателей-современников: поэтому они более обсуждают и оценивают факты, чем описывают их.

Публицистические черты характерны для двух крупнейших повествований о Смуте, составленных в первые годы царствования Михаила Федоровича, – Временника Ивана Тимофеева и Сказания Авраамия Палицына. И в том и в другом труде над изложением фактов преобладает желание обличить пороки московского общества и ими объяснить происхождение смут. В зависимости от такой задачи и наблюдаем отсутствие хронологической последовательности у обоих писателей, пробелы в фактических показаниях, обилие отвлеченных рассуждений и нравоучений.

Позднейшие труды о Смуте времени царя Михаила и царя Алексея отличаются от ранних произведений большей объективностью и большей фактической точностью в изображении Смуты. Но и в них изложение часто бывает подчинено или условным риторическим приемам (что особенно заметно в произведениях князя Семена Шаховского), или одной общей точке зрения (например, агиографической – в житиях, официальной – в рукописи Филарета и т.п.) общего литературного шаблона.

Далее рассмотрим, как оценивались некоторые важные русские персоны конца XVI – начала XVII вв., с каких и чьих точек зрения производилась их оценка в

анализируемых текстах. По нашим наблюдениям, в ПСВ представлены все типы точек зрения, но наиболее частотными являются нарраториальная недиегетическая и персональная недиегетическая. Персональная диегетическая представлена лишь в «самозванческих» контекстах. Нарраториальная диегетическая точка зрения, как представляется, в данных публицистических текстах не выражена.

Нарраториальная недиегетическая точка зрения – это «панорамная точка зрения». Автор в позиции «всеведущего» и «вездесущего» субъекта знает, что делают герои повествования, о чем думают, чего желают и чем все для них закончится.

Авторы, от имени которых строится историко-публицистическое повествование, не являются персонажами самого текста. Оценка, репрезентированная ими в текстах, является точкой зрения определенной социальной группы, к которой они принадлежат. Возможно, что это и их собственная точка зрения, а возможно, что собственную точку зрения они не смеют выразить. Дело в том, что многие создатели анализируемых повестей в действительности часто сами являются участниками исторических событий. Так, например, Авраамий Палицын в 1610 г. ходил вместе с великим посольством под Смоленск к Сигизмунду III Августу и, получив от польско-литовского короля охранные грамоты на земли и права монастыря, уехал обратно в Москву. Закончил он свою жизнь в Соловецком монастыре, куда был сослан в 1620 г. С.И. Шаховской в период Смуты «отбегал» в Тушинский лагерь к Лжедмитрию II, служил Сигизмунду III Августу. И.А. Хворостинин занимал почетную должность кравчего при дворе Лжедмитрия I. Позднее И.А. Хворостинин был обвинен в еретичестве и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Именно в это время и были написаны самые религиозные из всех историко-публицистических произведений о Смуте. Все эти факты говорят, по мнению автора статьи, о том, что «у писателей были особые цели риторического воздействия на читателя – оправдательные. Основной задачей автора была самореабилитация, он хотел отвести от себя обвинения...» [Коротченко, 1998, с. 15].

Реальный автор, участник событий, описанных в ПСВ, и абстрактный автор, нарратор, строящий свой текст по образцам и эталонам, соответствующим, в его представлении, жанру «сказаний», «слов», «временников», не идентичны друг другу.

Персональные точки зрения – это точки зрения персонажей. Персонаж, как известно, это важнейшая текстовая категория. «Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей...» [Тамарченко, 1997, с. 36]. Русская филологическая школа, как литературоведческая, так и лингвистическая, рассматривала категорию персонажа в ряду таких категорий, как «образ автора», «точка зрения», «хронотоп»⁴.

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в пространстве художественного текста // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1989; Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 56–175; Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1987.

Методы исследования. Как уже говорилось выше, согласно нарративной теории, персональные точки зрения могут быть двух видов.

Персональная диегетическая точка зрения – это точка зрения какого-либо персонажа на самого себя.

Персональная недиегетическая точка зрения – это точка зрения какого-либо персонажа на другого участника событий.

Рассмотрим систему оценочных номинаций, функционирующих в тексте ПСВ, на основании трех точек зрения.

1. Нарраториальная недиегетическая точка зрения и оценочные номинации. Оценка, которую получают персонажи повествования с этой точки зрения, строится, как уже отмечалось выше, на групповой оценке, основывающейся на идеологии православных элит того времени. Этим и объясняется одна характерная особенность номинаций, принадлежащих к данной точке зрения, – большинство из них относится к постоянным оценочным номинациям. В повествовании можно выделить персонажей с постоянной положительной оценкой.

Постоянную положительную оценку, с какой бы точки зрения она ни давалась, в ПСВ всегда имеют царь Иван IV Васильевич, царь Феодор Иванович, царевич Дмитрий. К именам этих персон всегда добавляется оценочная номинация. В ПСВ имена этих персон практически никогда не употребляются в нейтрально-информативных контекстах. Оценочные номинации при характеристике этих лиц можно воспринимать как постоянные эпитеты, принятые как образцовые и имеющие жанровую закрепленность, например:

Благочестивому и храброму во царьхъ великому князю Ивану Васильевичю всеа Росіи самодержцу, дошедшу кончины лѣтъ, его же скипетра и всея державы... (САП, стлб. 476);

И по немъ ошашася его царскаго корене двѣ пресвѣтліи отрасли, сынове его, царевичъ Феодоръ Ивановичъ всеа Русіи, да мній его братъ царевичъ Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи... (ИС, стлб. 1);

Великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росіи сынъ его, благовѣрный царевичъ Дмитрѣй Ивановичъ... (ИС, стлб. 82);

Святая же душа благочестиваго и добробобѣднаго мученика царевича Димитрія... (ЖЦД, стлб. 881).

В ПСВ присутствуют персонажи с постоянной отрицательной оценкой.

Характеристика этих лиц допускает два уровня: нейтрально-информативный и оценочно-идеологический. К таким персонажам в текстах ПСВ можно отнести Марину Мнишек. Оценка Марины почти всегда выражена с точки зрения недиегетического нарратора, и эта оценка постоянна и строится примерно на одних и тех же основаниях во всех текстах ПСВ.

Нейтрально-информативный уровень. Этот персонаж может быть представлен в повествовании в нейтральных контекстах (что, по нашим наблюдениям, почти невозможно для двух главных «злодеев» ПСВ – для Бориса Годунова и для Григория Отрепьева).

Например, автор может сообщить о персонаже, опираясь на релятивную семантику, выраженную в номинациях (*дщерь, жена*):

...пребываючи у Юрья Мнишка въ Сердомиръ городе, и возлюби у него дщерь, именемъ Маруху... (СГО, стлб. 721);

...да Ростригина жена Маруха зъ женами... (СГО, стлб. 753).

Оценочно-идеологический уровень. Точка зрения автора на Марину Мнишек эксплицируется с помощью оценочных номинаций. В нарративе ПСВ семантика оценочных номинаций, относящаяся к этому персонажу, основывается на отношении лица к той или иной конфессии. Для автора данных оценочных высказываний важным является то, что Марина не православная:

...той же злый еретикъ Гриша многіе гонцы посылая въ Литву зъ драгими дары, а прося Люторки за себя. (СГО, стлб. 737);

...Гришка Отрепьевъ женился въ Полишь у пана Юрья Сердоминскаго, взялъ дочь ево дѣвку, именемъ Маринку... такову же понялъ еретицу и врагоугодницу въры и ерести Римской... (СЦФИ, стлб. 822–823).

Думается, что и значение лексемы «*блудница*» актуализирует в первую очередь сему ‘принадлежность к ненастоящей вере’ и лишь затем характеристику сексуального поведения Марины:

и тое же прежеписанную Маринку блудницу на ложе къ себѣ пріят (ППРМГ, стлб. 227).

Оценочные номинации при характеристике Бориса Годунова почти всегда обязательны. Наиболее к частотным номинациям этого персонажа можно отнести «*лукавый, окаянный, святоубийца, лукавый рабъ*». Количество номинаций столь велико, что можно выделить несколько групп, отличающихся различными основаниями для экспликации оценки.

Номинации репрезентируют качества характера Бориса Годунова:

Той же лукавый Борисъ... и посла своихъ злосовѣтниковъ вослѣдѣ князя Ивана Петровича (ИС, стлб. 6);

Онъ же зломысленный проиырь лукавый, за много лѣтъ сего желая и до ступая... (ИС, стлб. 12);

Сицевая же зря царь Борисъ, иже вознесся отъ магистрскаго чина, владыка самодержавець поставися, яко нѣкогда и Василій Македонскій: аще и ненаучень сый писаніамъ и вѣщемъ книжнымъ, но природное свойство цѣлоносно имѣя (ПКХ, стлб. 531);

И еще повѣле правителю злонравному и лукавому властолюбцу Борису Годунову... (СЦФИ, стлб. 779);

Борисъ же злонравный Годуновъ... (СЦФИ, стлб. 774);

...злонравной и лукавый прелестникъ Борисъ Годуновъ (СЦФИ, стлб. 777).

Номинации репрезентируют социальное положение Бориса Годунова – Борис не царского рода, «рабъ»:

помышдяти лукавый той рабъ (ИС, стлб. 6);

отъ перваго рабоименнаго въ Росіи царя Бориса... (ВИТ, стлб. 389),
а родственник:

И по малъ времени, отъ боляръ никто, ему же имя Борисъ Федоровнчъ Годуновъ, и единокровнымъ союзомъ царю близочень (ПККР, стлб. 565).

Номинации репрезентируют действия и результат действий Бориса Годунова:

...сей Борисъ, злолестный и лукавый святоубийца... (СЦФИ, стлб. 792);

...Борисъ же, злонравной и лукавой прелестникъ и губитель православной вѣры... (СЦФИ, стлб. 777);

злпроклятому Борису Годунову... (СЦФИ, стлб. 783).

Постоянство оценки, выраженное в номинациях рассмотренных исторических лиц, говорит о сформированном общественном отношении (во всяком случае, на уровне официальной идеологии) к данным лицам. В текстах ПСВ есть лицо, по отношению к которому не выработалось единства взглядов среди авторов, – речь идет о Василии Шуйском.

В повествовании этот персонаж, как и персонажи с постоянной отрицательной оценкой, представлен на двух уровнях – нейтрально-информативном и оценочно-идеологическом.

Нейтрально-информативный уровень. Нейтральные по своей оценке номинации могут касаться «доцарского» периода жизни Василия Шуйского:

И сотвори царь тако, послуша того словеси его, посылаетъ отъ своего лица нѣкоего вѣрнаго своего болярина, зовома князя Василія Ивановича Шуйского... (ЖЦДМ, стлб. 907).

Кроме того, безоценочные номинации данного лица объясняются необходимостью выразить оценку другим персонажам микротекста:

Слышавъ же царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи неистовыхъ сихъ плотоядныхъ звѣрей стремленіе... (ИС, стлб. 115).

И все же номинаций нейтрально-информативного характера, относящихся к Василию Шуйскому, в повествовании очень мало.

Оценочно-идеологический уровень. Все оценочные номинации, данные с рассматриваемой нарраториальной недиегетической точки зрения, можно разделить на две группы.

Положительно-оценочные номинации.

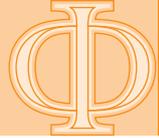
«Страдалец за правду» – положительная оценка строится на основании борьбы с еретиком «Гришкой»:

*И откры Богъ преждепоминаемому **первострадалцу** болярину князю Василию Ивановичю Шуйскому того законопреступника и розстригу, богомерскую его ересь разумѣти...* (ПКВНЦП, стлб. 161);

*...и всѣ возлюбили великаго князя болярина князь Василія Ивановича Шуйскаго, **прежняго страдал да за православную христіанскую вѣру...*** (СЦФИ, стлб. 832).

«Богом избранный»:

*Въ лѣто отъ созданія всероднаго Адама 7116 году, въ царство благочестивыя державы **Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ помазаннаго, и Богомъ почтенна-***

го, и христоролюбиваго поборника святых православных христианскихъ вѣры... (ПНБ, стлб. 250–251);

...иже по благочестіи поборатель, благовѣрный и благочестивый, Богомъ избранный и христоролюбивый царь государь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи, истинный наставникъ православныхъ вѣры... (ЖЦД, стлб. 887–888).

«Выбран от всего народа»:

И от всего царскаго синклита, и отъ христоролюбиваго воинства и отъ всего народа... возведенъ бываетъ на высочайший прародительскій престолъ всеа великия Росія... (ЖЦД, стлб. 887–888);

боляре же и началницы, вкупѣ же и весь народъ, почтиша его по царскому достоянью, яко и прежнихъ великихъ государей. И по малъ времени возлагаетъ на ся царьскій вѣнецъ и помазася міромъ, и бысть царь Московскому государству и всеа Русіи... (ПККР 2, стлб. 659).

Отрицательно-оценочные номинации.

«Самовольное избрание – избран не по Божией воле, а по своему собственному хотению»:

Во время же последнее dneшихъ временъ Шуйского, порекла Василя, самоизбранна глаголема всеа Русіи царя, на первыхъ предержавныхъ и преобладательнѣйшихъ престолѣхъ безъ Божія, мню, его избранія же и благоволенія стѣша, ниже по общаго всеа Русіи градовъ людскаго совета себѣ составляша, по самоизволнѣ... (ВИТ, стлб. 389);

По паденіи же сего, иже смерти ходатай, дуксъ Василей улести люди благословеннымъ сана смиреніемъ и свое хотѣніе въ нихъ покладая, да его сотворятъ царя, яко же и бысть... (ПКХ, стлб. 541).

Оценочные номинации, относящиеся к Василию Шуйскому, показывают, что это действительно одна из самых противоречивых фигур русской истории.

2. Персональная недиегетическая точка зрения и оценочные номинации.

Номинаций с этой точки зрения (один персонаж оценивает другого) в тексте ПСВ достаточно много. Один и тот же участник повествования может по-разному оцениваться различными персонажами. Поэтому к одному лицу могут относиться различные, иногда противоположные по оценочной семантике номинации.

Оценочные номинации с точки зрения персонажей – участников повествования интересны по многим причинам. Одна из них – это характеристика самого персонажа, оценивающего другого.

Рассмотрим, какую оценочность имеют номинации, выраженные персонажами ПСВ по отношению к Борису Годунову. В текстах оценочная номинация с положительной коннотацией высказана лишь одним персонажем – царем Феодором Иоанновичем, «святым и праведным государем», как его регулярно называют в анализируемых нарративах:

о любимый мой приятель Борисъ Феодоровичъ... (СЦФИ, стлб. 773).

Все остальные номинации, высказанные с точки зрения персонажей, имеют отрицательную оценочность.

Даже родная сестра Годунова, вдова Феодора Иоанновича, в ситуации отказа благословения Годунову выстраивает яркий экспрессивно-оценочный номинативный ряд, выражающий глубокое негативное чувство по отношению к брату:

Онъ же съ лестію поиде къ сестрѣ своей, царицѣ Иринѣ Феодоровнѣ, прося у нее благословенія и царскаго посоха, и она его не благословила и посоха не дала и отказала ему: иди отъ меня, окаянный, прочь! нѣсть ты братъ мнѣ, но губитель и разлучникъ и властолюбецъ по вражескимъ навѣтамъ... (СЦФИ, стлб. 792).

Точка зрения самозванца Гришки Отрепьева на Бориса Годунова одновременно характеризует и объект оценки и субъект оценки. И возможно, характеристика субъекта оценки, т.е. самого Отрепьева, даже более выразительна, чем объекта оценки, т.е. Годунова. В высказываниях номинации, относящиеся к Годунову, даются Отрепьевым на тех же основаниях, что и в оценочных высказываниях с нарраториальной недиегетической точкой зрения: «изменникъ, наемникъ, душегубецъ и разбойникъ, злой властолюбецъ и убийца», например:

...хочеть приитти на царя Бориса, но не яко на царя, яко на наемника (ИС, стлб. 39):

...именуя себя сице: Отъ царя и и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи... отъ нашего изменника Бориса Годунова... (ИС, стлб. 27);

[письмо Григория Отрепьева] *...и вы, не вѣдаючи про насъ, прирожаннаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову* (ИС, стлб. 43).

Оценка с точки зрения казаков, примкнувших к войскам Отрепьева, совпадает с нарраториальной недиегетической точкой зрения на Бориса:

*Егда Гришка же роустрига хотяше в Литву бѣжати, гражане же и вси людіе, кои за него задалися, начаша его молити со слезами...: **О великій государю!** Или предаши насъ в руки измѣннику своему Борису...?* (ИС, стлб. 35).

Но номинации Отрепьева в данном высказывании вступают в сильнейшее противоречие друг с другом. С точки зрения автора, Отрепьев – «роустрига», с точки зрения казаков – «*Великій государь*». Тогда кто же все-таки Борис?

Как видим, субъектная перспектива высказывания очень сложная. Столкновение двух субъектов оценки (с точки зрения автора и с точки зрения коллективного персонажа) создает особую напряженность в характеристике «изменника» Бориса.

Особенностью номинаций, высказанных с персональной недиегетической точки зрения, является их двунаправленность. С одной стороны, с их помощью характеризуется объект оценки, с другой – сам субъект оценки «самовыражается» и оценивается имплицитно присутствующими в тексте автором и абстрактным читателем.

3. Нарраториальная диегетическая точка зрения и оценочные номинации. Оценочные номинации с этой позиции – это то, что персонаж говорит о самом себе, т.е. аутономинации. В ПСВ таких номинаций наблюдается немного,

кроме тех ситуаций, где говорит или пишет самозванец. Коммуникативная ситуация, в которой Отрепьев конструирует свой образ, сложная и запутанная: «Инок Чудова монастыря “превращается” в самого царевича Дмитрия – личность одновременно раздваивается для будущего и соединяется с прошедшим» [Ульяновский, 2006, с. 294].

Отрепьев соединяет себя с прошлым Руси, восстанавливая в своем ложном, созданном им виртуальном мире прервавшуюся царскую династию:

и онъ учаль прелциати его, именучи себя суцаго быти царевича Дмитрея, приснаго сына благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца (ИС, стлб. 22–23).

Сакральные смыслы (Божий промысел) сопровождают его «самозванческие» номинации постоянно:

именуя себя сице: Отъ царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи... Божиємъ произволеніемъ... (ИС, стлб. 27).

Отрепьев, говоря о себе как о «прирожденном государе», создает в своих посланиях к «боярамъ и служилымъ людемъ» образы лучшего будущего для них (ИС, стлб. 44–46).

Автономинатии Отрепьева в рассылаемых им письмах являются сильным аргументом в убеждении «народов» перейти на сторону самозванца:

...и я, крестьянскій государь, по своему царскому милосердому обычаю... (ИС, стлб. 44);

...и мы, христіанскій государь, не хотя... (ИС, стлб. 46).

Оценочные смыслы в рассмотренных высказываниях создаются взаимодействием дейктических слов с номинациями, неистинность которых ясна автору «Иного сказания», точка зрения которого имплицитно присутствует в тексте.

Субъектная перспектива высказывания осложняется наличием косвенной речи персонажа. Две точки зрения – нарраториальная диегетическая (персонаж рассказывает о самом себе) и нарраториальная недиегетическая (автор рассказывает о персонаже) – сталкиваются в одном высказывании. Авторская точка проявляется в номинациях «*Рострига, названный царевичъ*», «*ложная писанія*». Точка зрения персонажа, антонимичная по своему значению авторской, проявляется либо в придаточной части предложения, соединенной с главной с помощью союза «яко», либо в качестве полупредикативного оборота:

Той же Рострига, названный царевичъ, приходитъ къ единому порубежному городку от... Монастыревской зовомый, и посылаетъ писаніе свое во градъ, яко онъ есть царевичъ Дмитрий... (ПККР, стлб. 571);

той же, отишедъ отъ Русіи, вселься въ предѣльхъ королевства Полскаго и, тамо живя, составляше ложная писанія, и посылая повсюду, проповѣдая, жива царевича Димитрія себе иарица... (САП, стлб. 490–491).

Результаты. Сочетание различных оценок в тексте и в высказывании позволяет выразить широкий спектр идеологических и политических идей, характерных для общественной жизни русского общества начала XVII в.

Авторский вклад. Система оценочных номинаций, представленная в ПСВ, зависит от типа точек зрения, присутствующих в данном тексте.

Сокращения и источники

ВИТ – Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 261–472.

ЖЦД – Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 877–898.

ЖЦДМ – Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 899–922.

ИС – Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 1–144.

ПКВНЦП – Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 145–176.

ПККР – Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 625–712.

ПККР 2 – Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 625–712.

ПКХ – Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 525–558.

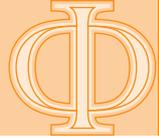
ПНБ – Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 249–260.

ППРМГ – Плач о пленении и разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 219–234.

САП – Сказание Авраамия Палицына // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 473–524.

СГО – Слово и Гришке Отрепьеве // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 713–754.

СЦФИ – Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 755–836.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М.: Наука, 1986. Вып. 28. С. 5–33.
2. Коротченко М.А. Образ автора в исторических повестях Смутного времени (на материале «Временника» Ивана Тимофеева) // Филологические науки. 1998. № 2. С. 14–23.
3. Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 3. 1995. С. 39–48.
4. Тамарченко Н.Д. Система персонажей // Литературоведческие термины: материалы к словарю. Коломна: Коломенский пед. ин-т, 1997. 265 с.
5. Ульяновский В.И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 456 с.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 9–221.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

Сведения об авторе

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

POINT OF VIEW AND ASSESSMENT IN RUSSIAN PUBLICISTIC TEXTS OF THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem statement. The article is devoted to the problem of historical figures evaluative nominations functioning. These persons became personages of late-Old Russian Tales of Dark Times.

The purpose of the article is to consider the interrelations of different types of viewpoints on historical characters present in the narrative of Russian publicistic texts in the early XVIIth century on the basis of evaluative nominations analysis.

The review of scientific literature on the problem. The analysis of scientific literature on the problem shows that the researchers of the forms of representation of the authors' images and characters are based on the works of the Russian "formalistic school" representatives. It turns out that the narrative publicistic text is characterized by evaluation, expressed through the point of view. The nature of the assessment, in the author's opinion, depends on the point of view expressed in the narrative. This article describes three points of view that affect the type of nomination. In the examined texts there are all types of points of view, but more frequently narratorial non-diegetic and personal non-diegetic viewpoints are used. And personal diegetic point of view occurs only in "impostor contexts".

The research methods are based on the analysis of the contexts in which the approaches to personage-evaluation are disclosed. As a rule these personages are political figures of the epoch.

The results of the study consist in the description of various points of view presented in the texts of the Tales of Dark Times.

The conclusions which the author of the article makes are as follows: the system of evaluative nominations presented in the Tales of Dark Times depends on the type of the viewpoint used in each concrete text.

The author's contribution to the study of the problem of historical figures of late-Old Russian epoch evaluative nominations consists in precise and detailed definition of the means of nomination used to characterize individuals and groups of personages in the texts. It also consists in characterizing the means of revealing the ties between ideologies of the scribes and those of their personages. The scribes' means of expressing their evaluation are also highlighted in the article.

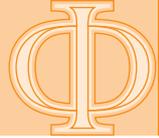
Keywords: *beginning of the XVIIth century, Tales of Dark Times, narratology, points of view in the text, evaluation of political figures, system of evaluative nominations, subjective- perspective statements.*

Abbreviations and sources of research

VIT – Vremennik Ivana Timofeeva // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 261–472.

ZHCD – ZHitie carevicha Dimitriya Ioannovicha, vnesennoe v Minei Germana Tulupova // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 877–898.

ZHCDM – ZHitie carevicha Dimitriya Ioannovicha, vnesennoe v Minei Germana Tulupova // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 899–922.

IS – Tak nazyvaemoe Inoe skazanie // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 1–144.

PKVNCP – Povest', kako voskhiti nepravdoyu na Moskve carskij prestol Boris Godunov // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891 T. XIII. Stlb. 145–176.

PKKR – Povest' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po vtoroj redakcii // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 625–712.

PKKR 2– Povest' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po vtoroj redakcii // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 625–712.

PKKH – Povest' knyazya Ivana Andreevicha Hvorostinina // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 525–558.

PNB – Povest' o nekoj brani, nalezhashchej na Velikuyu Rossiyu // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 249–260.

PPRMG – Plach o pleneni i razorenii Moskovskogo gosudarstva // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 219–234.

SAP – Skazanie Avraamiya Palicyna // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 473–524.

SGO – Slovo i Grishke Otrep'eva // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 713–754.

SCFI – Skazanie o carstve Fedora Ioannovicha // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 755–836.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresyan Yu. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira // Semiotika i informatika. M.: Nauka, 1986. Vyp. 28. S. 5–33.
2. Korotchenko M.A. Obraz avtora v istoricheskikh povestyah Smutnogo Vremeni (na materiale «Vremennika» Ivana Timofeeva) // Filologicheskie nauki. 1998. № 2. S. 14–23.
3. Paducheva E.V. V.V. Vinogradov i nauka o yazyke hudozhestvennoj prozy // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. T. 54, № 3. 1995. S. 39–48.
4. Tamarchenko N.D. Sistema personazhej // Literaturovedcheskie terminy: Materialy k slovaryu. Kolomna: Kolomenskij ped. in-t, 1997. 265 s.
5. Ul'yanovskij V. I. Smutnoe vremya. M.: Evropa, 2006. 456 s.
6. Uspenskij B.A. Poehtika kompozicii // Semiotika iskusstva. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. S. 9–221.
7. Shmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. 304 s.

About the author

Mikhaylova Tatiana Vitalyevna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; e-mail: ta.rada@mail.ru